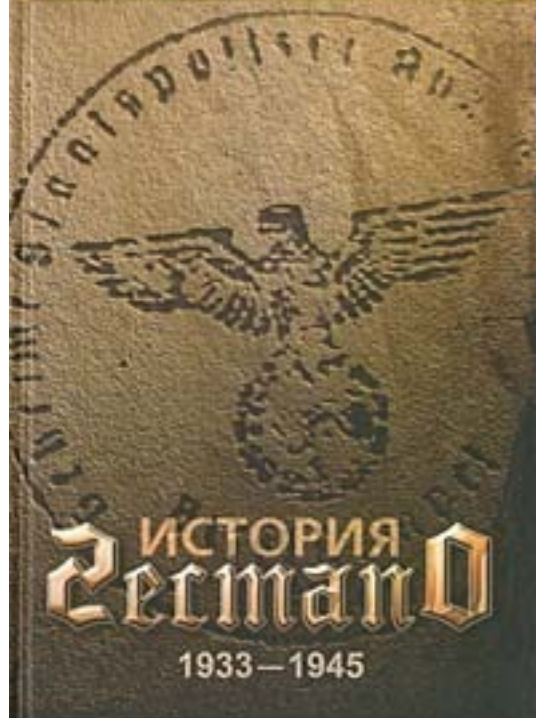

ЖАК ДЕЛАРЮ

ИСТОРИЯ
ГИТЛЕРА

1933—1945

Жак Деларю
История гестапо

«Центрполиграф»

2004

Деларю Ж.

История гестапо / Ж. Деларю — «Центрполиграф», 2004

Жак Деларю, участник французского Сопротивления, предпринял попытку разобраться в механизме действия организации под названием гестапо. Автор восстановил полную и объективную картину зарождения, становления и функционирования карательной машины как внутри Германии, так и на оккупированных землях. Деларю рисует яркие и запоминающиеся портреты людей, которые, нажимая на рычаги управления этой машины, умели, оставаясь незаметными, быть вездесущими и могущественными.

Содержание

Введение	5
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Жак Деларю

История гестапо

Памяти мужчин, женщин, детей всех рас и всех стран, которые стали жертвами гестапо и нацизма.

Всем тем, кто повсюду в Европе пострадал от их преступлений – телом и душой.

Детям пострадавших, чтобы они не забыли.

Всем людям, которые придадут цену чести, правде, свободе, чтобы они знали и помнили...

Когда я слышу слово «культура» – моя рука тянется к пистолету!
Ганс Йонст (нацистский драматург)

Правда – в разуме.
Аристотель

Введение

Гестапо – эти три слога в течение двенадцати лет заставляли трепетать сначала Германию, а потом всю Европу. Сотни и тысячи людей преследовались агентами организации, носившей это название; миллионы людей мучились и погибали от их рук или по воле их собратьев-эсэсовцев.

Тысячи опубликованных томов на всех земных языках посвящены истории нацизма и Второй мировой войны, но еще не появилось ни одной книги – хотя с момента краха Третьего рейха прошло уже немало лет! – осветившей все детали истории гестапо. А ведь именно гестапо было стержнем, на котором держалось нацистское государство. События этого периода можно понять только при знании внутреннего механизма огромной полицейской машины.

Никогда раньше ни в одной стране подобная организация не обладала такой сложной структурой, не получала такой власти и не достигала столь ужасающего «совершенства» в своей эффективности и жестокости.

Организация, известная как гестапо, останется в памяти людей примером социального инструмента, используемого людьми без нравственных устоев в самых низменных целях. Ее существование показывает нам, что случается, если государство перестает служить народу и полностью оказывается во власти одной клановой группировки. Полномочия и оружие, которыми первоначально наделили гестапо для обеспечения защиты граждан, их прав и их свобод, стали средствами порабощения и уничтожения этих же граждан. С этого момента начинается диктат преступлений, воцаряется грубая сила и приходит конец элементарным человеческим правам.

Циклопический нацистский механизм и люди, приводившие его в движение, в большинстве своем не известны не только широким массам, но и многим историкам, работающим над событиями того периода.

Я хочу «разобрать» этот механизм на составляющие, вытащить на белый свет все ужасные пружины, приводившие его в действие, и показать, как нацистский режим утвердился благодаря именно гестапо, выполнившего роль фундамента, на котором выросло все здание нацистской государственности. Прочтя книгу, можно будет увидеть, как бесчисленные метастазы гестапо и СС проникали в повседневную жизнь общества так далеко и глубоко, что более ни одно действие, слово или мысль не могли остаться незамеченными.

Люди, нажимавшие на рычаги управления этой машины, так же мало известны, как и сам механизм. Я счел необходимым показать их такими, какими они были: со всеми пороками и слабостями, а также положительными качествами. Эти чудовища, в общем, были обыкновенными людьми, не лишенными привлекательности. Их судьбу изменил день, когда гитлеризм подарил им новую «мораль», заместив их собственное восприятие мира полным подчинением нацистским догмам.

Материалы, которые послужили основой для этой книги, делятся на две категории. Я использовал огромное количество не публиковавшихся ранее документов и некоторые уже известные работы.

За период с 1945-го по 1954 год у меня набралось значительное количество моих записей о процессах, возбужденных во Франции над гестаповскими агентами, их руководителями и военными преступниками, которые предстали перед французским трибуналом.

Тогда же я получил возможность лично познакомиться со многими руководителями немецких полицейских служб во Франции и понял, что они были людьми бесхарактерными, аморальными, неспособными отличить хорошее от плохого и умеющими лишь подчиняться приказу.

Большинство из них не страдали угрызениями совести и казались неспособными оценить свои действия. Судебные процессы, организованные для того, чтобы наказать их за совершенные преступления, воспринимались ими как акт мести победителя по отношению к побежденному. Только с этой точки зрения они принимали свою судьбу: ведь они действовали точно так же. Самые хитрые из них пытались выторговать свою жизнь за тайные сведения, которыми обладали, либо предложить свои услуги победителям. Так, Мазюи, один из самых известных палачей «вспомогательных» команд гестапо, на долгие месяцы заключенный в тюрьму Френ, строил проекты по созданию в Испании завода детских игрушек, будучи полностью уверен в своем скором освобождении.

Благодаря этим близким «знакомствам» я смог сделать портреты гестаповских агентов, орудовавших во Франции.

Используя их заявления и воспоминания, я восстановил структуру организации гестапо и этапы ее внедрения во Франции, а также подоплеку некоторых событий, о которых до сих пор было очень мало известно. Материалы процессов по делу коллаборационистов, возбужденных в Верховном суде Франции и военных трибуналах, также явились для меня источником ценных сведений. Самыми полезными из печатных источников стали в первую очередь двадцать три тома протоколов заседаний Международного военного трибунала в Нюрнберге и семнадцать томов приложений к ним. Мною были использованы работы, изданные французским правительством. Материалы об административной структуре нацистских организаций и их полномочиях я почерпнул из источников, изданных нацистской партией или государственными учреждениями времен Третьего рейха. Многие биографические данные были взяты оттуда же.

Во время моих исследований, продолжавшихся около десяти лет, я имел возможность получить бесценную помощь, без которой не смог бы довести это дело до конца.

Я прошу людей, помогавших мне, принять мою искреннюю благодарность. Хочу поблагодарить мадемуазель Лисбонн, библиотекаря министерства внутренних дел, за нескончаемую доброжелательность; месье Шальре, прокурора республики, любезно предоставившего мне свою библиотеку; месье Дюран-Бартэса, архивариуса министерства юстиции; мадемуазель Адлер-Бресс, архивариуса Библиотеки материалов по новейшей истории; месье Жозефа Биллига и весь персонал Центра документации по истории еврейского народа, чьи архивы предоставили мне ценнейшие сведения; месье Мишеля и Комитет по истории Второй мировой войны; мадемуазель Фрессинь, архивариуса по немецкой документации Исторических архивов министерства обороны.

Прежде чем начать рассказ об истории гестапо, необходимо восстановить в памяти события, происходившие с 1919-го по 1933 год и демонстрирующие восхождение нацистов к власти. Ведь гестапо и нацизм тесно взаимосвязаны по своей сути и нельзя отделять их друг от друга.

Это небольшое напоминание очертит несколько определяющих моментов.

Рождению нацизма способствовала общая ситуация, сложившаяся в стране после поражения в войне. Когда в ноябре 1918 года Германия вынуждена была признать себя побежденной, армия отказалась принять это унижительное положение, которое считала незаслуженным. Руководящий состав имперской немецкой армии, управляемый кастовым прусским офицерством, культивировал милитаристское мировоззрение, которое со временем гипертрофировалось до абсурда. Считая себя единственными хозяевами Германии и колониальных народов, они не могли принять мысль о своей капитуляции. Они начали распространять версию о том, что их армия не проиграла, а пала жертвой предательства. Так родилась легенда об «ударе ножом в спину». Они не говорили о том, что в ноябре 1918 года немецкие войска располагали 184 дивизиями на передовых позициях, имея не более 17 в резерве, из которых только 2 дивизии были свежими и боеспособными; войска союзников тогда составляли 205 дивизий, в резерве у них было 103 дивизии, из которых свежими являлись 60, и это количество постоянно увеличивалось за счет американских подкреплений. В октябре был прорван Дунайский фронт, Австрия пала 6 ноября, и Германия осталась одна. 3 ноября в Киле взбунтовалась 5-я эскадра океанского флота; 7 ноября разразилось восстание в Мюнхене, свергшее баварского короля Людовика III. 9 ноября в Spa состоялся большой военный совет, констатировавший, что германский военный штаб полностью потерял контроль над ситуацией, и принявший решение просить перемирия. Между тем канцлер подал в отставку, а кайзер сбежал в Голландию. Поэтому трем гражданским лицам – принцу Максу Баденскому, новому канцлеру Эберту и католическому министру Эрцбергу – пришлось унижительно просить о начале переговоров. В этот же день социал-демократ Шейдеман с балкона рейхстага провозгласил республику.

Эта юная республика, рожденная из краха и обломков, очень быстро стала предметом черной ненависти армейских офицеров, которые заговорили о предательстве, потому что не могли примириться с поражением Германии в этой войне.

Германия погрязла в хаос. И знаменитая немецкая дисциплина, так часто приводившаяся в пример демократам, стала тому виной. Из поколения в поколение «покорность трупов» лишала немцев личной инициативы и самостоятельности, делая их зависимыми и легкоуправляемыми. Обрушилась пирамида иерархии, и эти «трупы», которым более не отдавали жесткие приказы, побуждавшие к действию, без сопротивления предоставили себя в распоряжение подстрекателей смуты.

Хаос дополняли безработица и нищета. Для восстановления порядка пришлось прибегнуть к помощи военных, которые организовывались в любопытные формирования: «вольные стрелки» и «боевые группы», не признававшие никаких авторитетов, кроме своего командира. Эти группы подавляли зарождающиеся очаги восстаний, и к тому времени, когда из них сложились кадры новой армии, республика стала полностью от них зависима.

В это же время военные открывают для себя политику и создают подобие службы психологического воздействия, которая организует «курсы гражданской мысли». Одним из создателей этого учреждения был капитан Эрнст Рем.

В начале лета 1919 года эти курсы закончил молодой Адольф Гитлер, получивший там начальные представления о будущей доктрине национал-социализма. О том, что в рождении нацизма определяющую роль сыграли германские военные, было сказано многое. Объединившись с несколькими владельцами крупных промышленных предприятий, они создают или поддерживают группировки, выступающие против демократии, восхваляющие милитаризм, разжигающие антисемитизм, который на тот момент почти перестал существовать.

Республиканское правительство, казалось, не знало об этих движениях, слепо веря в совершенство Веймарской конституции. Обнародованная в августе 1919 года, она на самом деле была не так плоха, однако в ней существовало несколько изъянов, воспользовавшись которыми можно было сокрушить республику.

Очень скоро противники нового режима выяснили, что метод просачивания во все сферы деятельности общества гораздо предпочтительнее, чем прямая атака в лоб. Для того чтобы заручиться поддержкой руководящего состава страны, они изображали горячую приверженность республике. Носке, социал-демократ и министр обороны, без тени улыбки на лице произнес: «Вместе с юной республиканской армией я принес вам мир и свободу». Противники республики собирались в «Геррен-клубе» (Клуб господ), разрабатывали свои доктрины и распространяли их, публикуя в газете барона фон Глейхена под названием «Ринг». «Офицеры рейхсвера, – читаем мы, – после революции научились отличать государство как таковое от той его формы, какую оно приняло. Офицеры желают служить исходному понятию государства – тому, что есть в нем настоящего и неизменного».

Таким образом, как только государство прекращало отвечать политическим настроениям офицерства, оно отказывалось подчиняться ему. Очень быстро ему внушили мысль о том, что оно даже обязано диктовать ему свои законы.

Поучаемые подобным образом, капитан Рем и его приятели подготовили почву для будущих действий посредством создания бесчисленного множества националистических организаций. Эта раздробленность вводила правительство в заблуждение, не поддавалась контролю, позволяла рассредоточить ответственность и возродиться в новой форме в случае репрессий. В нужный момент эти организации можно было легко объединить под единым руководством, несмотря на их кажущуюся распыленность.

В одну из таких групп – Немецкую рабочую партию (НРП), возглавляемую Дрекслером, в сентябре 1919 года вступил Адольф Гитлер. Быстро захватив руководство партией в свои руки, 8 августа 1921 года с помощью капитана Рема он создает национал-социалистическую германскую рабочую партию (НСДАП). Новая партия включила в себя членов партии Дрекслера, Немецкой национал-социалистической партии Юнга и Немецкой социалистической партии Штрейхера, насчитывая вначале всего 68 человек. К ноябрю 1921 года в ней состояло уже 3 тысячи членов. Благодаря интенсивной пропаганде и легенде о предательстве «ноябрьских преступников», которую придумали военные, партия быстро росла. Она не замедлила организовать специальную команду, заставлявшую замолчать несогласных, осмелившихся выступить против, силовыми методами. Эта команда дала начало СА – формированиям штурмовиков.

В ноябре 1922 года в эту партию вступает новобранец капитан Герман Геринг, знаменитый военный пилот и последний командир известной эскадрильи перехвата «Рихтгофен», которому суждено было стать родоначальником гестапо.

Военные были лучшими вербовщиками партии. Они же сформировали команду штурмовиков, из которых Рем создал настоящую армию, превзошедшую числом и мощью рейхсвер и вскоре начавшую угрожать правительству.

Однако их задача не состояла в том, чтобы восстать против армии, которая давала им поддержку, тайно поставляла оружие, новых членов и даже деньги. В апреле 1923 года штурмовики СА овладевают секретными оружейными складами армии, а в сентябре того же года в Мюнхене генерал фон Лоссов отказывается закрыть нацистскую газету «Фёлькишер беобахтер», предпочтя сложить свои полномочия.

Темы, поднимаемые нацистами, находили у военных горячий отклик. Они были аналогичны темам курсов «гражданской мысли»: упразднение парламентаризма, сосредоточение власти в мощном государственном аппарате, управляемом вождем, общающимся с народом на плебисцитах. Конституция стала помехой дальнейшей эволюции. Государство не должно тер-

петь противников режима: оно должно раздавить их. Никакой оппозиционной прессы, никаких партий, кроме одной – представляющей государственные интересы.

Уловка состояла в том, чтобы партия власти воспринималась как отечество, – это был излюбленный метод, к которому часто прибегали армейские круги. А чтобы защитить отечество (то есть партию), все средства хороши.

В такой ситуации отдельная личность не идет в счет, она существует лишь как составляющая коллектива, которому должна пожертвовать все. Отсюда следуют абсолютная дисциплина и полная покорность «вождю». Вот почему за интеллигенцией будут присматривать, и в случае, если ее представители станут «опасными для страны», то есть противниками режима, – безжалостно устранять.

По этому же принципу сюда добавлялись и расистские резоны: ценность чистой крови, то есть крови нордической; превосходство германской расы, «расы господ», и необходимость устанавливать свои законы для представителей низших рас, выродившихся, дегенерировавших национальностей; вредоносность понятий милосердия, жалости, которые не имеют «естественного происхождения». Гитлер писал: «Мы имеем право спокойно преступить грань бесчеловечности, если это принесет благо немецкому народу».

Постепенно НСДАП развивалась и пополнялась новыми членами благодаря широкой пропаганде; но некоторые другие партии также пытались захватить власть. Несколько возникших и подавленных восстаний, таких, как, например, путч майора Бухруккера, побуждают Гитлера решиться на вооруженное восстание. 9 ноября 1923 года в Мюнхене он попытался свергнуть баварское правительство, рассчитывая на цепную реакцию. Его основным сообщником был генерал Людендорф. Однако попытка восстания провалилась, вся акция ограничилась десятиминутной стрельбой, 14 погибшими и 50 ранеными.

Гитлера арестовали, Геринг, шагавший рядом с ним во время перестрелки, был тяжело ранен, но смог сбежать в Австрию. В этой попытке принимал участие еще один человек в качестве знаменосца, несущего знамя имперской войны, – это был Генрих Гиммлер.

Правительство не сумело воспользоваться провалом путча и арестом Гитлера, упустив возможность задавить зачатки нацизма в самом начале.

По окончании скандальной пародии на судебный процесс Людендорф был оправдан, а Гитлер и его четверо основных сообщников были осуждены на пять лет заключения условно, с испытательным сроком в четыре года. Осужденные покинули зал суда под рукоплескания своих друзей и пение национального гимна!

В полдень 20 декабря 1924 года, спустя тринадцать месяцев и двадцать дней заключения, Гитлер вышел из Ландсбергской тюрьмы. Там он понял одну вещь: власть будет принадлежать ему только при условии законных действий, то есть ему следует использовать силу, но лишь обоснованно; преступать закон, но при серьезной и сильной поддержке; играть в демократию, одновременно подрывая ее понятия и идеи изнутри.

Наверное, не следует чересчур углубляться во все детали этого кропотливого саботажа; это может занять чересчур много времени. Нам будет достаточно вспомнить, что партии правых радикалов, как и нацисты, потерпели тяжелое поражение на выборах в ноябре 1924 года, и к началу 1925-го им пришлось начинать все с нуля. С 1924-го по 1932 год партии левых, не переставая, повышали свои результаты и укрепляли позиции на выборах, за восемь лет увеличив число голосов до 3 миллионов 329 тысяч. Однако эти победы были относительными, поскольку в то же время нацисты своей пропагандой сумели привлечь внушительное количество новых членов из молодежи (в 1930 году к ним записалось 3 миллиона человек, имеющих право голоса). Кроме того, они успешно переманили к себе многих избирателей из традиционных правых партий, партий правого центра и даже центра. Все эти честные люди, приверженные традициям, без радикальных понятий, попадались в ловушку из лозунгов, олицетворявших для них то, что они привыкли уважать и ценить, не понимая, какой смысл вложен в

слова нацистов. Эти же честные люди нанесли первый удар республике на февральских выборах 1925 года, выбрав ее президентом престарелого маршала Гинденбурга. Под покровительством маршала, олицетворявшего национальную славу, противники республики смогли занять все ключевые правительственные посты в стране.

Так, притворяясь сторонниками демократии, нацисты и их соратники смогли сокрушить всю систему демократического государства. Частые правительственные кризисы влекли за собой бесчисленные выборы, и большинство граждан стали внимательнее прислушиваться к нацистской пропаганде. А левые партии не смогли объединиться, устранив противоречия между ними, чтобы дать отпор общему противнику, не смогли воспользоваться многочисленными возможностями перехватить инициативу. Что касается соседних стран, в частности недавних победителей – Франции и Англии, чье слово могло оказаться решающим, – их близорукость и непоследовательность были беспредельны не только во время борьбы за власть, но и во время первых лет нацизма.

30 мая 1932 года, когда маршал Гинденбург грубо сместил с поста канцлера Брюнинга и назначил на его место фон Папена, представлявшего интересы «баронов» и рейхсвера, началась заключительная стадия борьбы за власть. Мелкие немецкие буржуа, которые, как о них сказал Томас Манн, «не желали пропадать в пролетарских массах», оавациями встретили это назначение. Они считали старого маршала посланным самим провидением, он был представителем верхушки своего класса, и все его решения воспринимались ими как обоснованные.

14 июня, меньше чем через две недели после своего прихода к власти, Папен снял запреты на деятельность штурмовиков и ношение фашистской формы, предусмотрительно наложенные ранее Брюнингом. С этого момента роль Папена стала ясна. Во время собрания национальной Ассоциации бывших немецких офицеров, проходившего в Берлине в начале сентября 1932 года, депутат-националист Эверлинг преспокойно вещал с трибуны, что «канцлер фон Папен энергично избавляется от последних проявлений республиканского правления, чтобы построить рейх на новой основе».

Фон Папен взялся за республиканских чиновников министерств, губернаторов провинций, заменяя их «националистами». Устояло лишь социал-демократическое и католическое правительство Браун-Северинг в Пруссии. Правительственное решение, принятое 20 июля в соответствии со статьей 48 конституции, сместило и его, используя обвинение в «неспособности навести порядок», то есть пресечь постоянные провокации нацистов.

Своими действиями фон Папен расчистил дорогу к власти нацистам, чем они немедленно воспользовались. На июльских выборах 1932 года они заняли 230 мест в рейхстаге, превратившись в самую мощную немецкую партию. 30 августа Геринг был избран президентом рейхстага, и с этого момента полная победа нацистов стала вопросом тактики.

Правые партии и военные, которые были на стороне нацистов, не понимали в полной мере то, что происходило. Полагаясь на традиционные методы решения политических проблем, они не предполагали, что нацисты полностью захватят власть. Эти люди хотели воспользоваться волной, поднятой нацистским движением, чтобы восстановить традиционный уклад жизни и вернуть свои привилегии. В обмен на свою помощь сторонники старого порядка были готовы предоставить нацистам участие в управлении страной, забыв заявление Гитлера: «Там, где есть мы, нет места никому другому». Понадобилось много времени и кровавых событий, чтобы они начали воспринимать эту фразу в буквальном смысле.

В ноябре 1932 года нацисты терпят неудачу на очередных выборах, потеряв 2 миллиона голосов и 34 места в рейхстаге. Как окажется потом, урок не пройдет даром. Папен, подавший в отставку пять дней спустя после выборов, был заменен фон Шлейхером. Но и тому, совершенно затравленному, 28 января пришлось уйти в отставку.

В полдень 30 января Гитлеру, сопровождаемому фон Папеном, предложили сформировать новый кабинет министров. Гинденбург вынужден был передать власть тому, кого раньше презрительно называл «цыганским генералом».

Итак, непоправимое случилось, хотя никто еще не понял, что нацисты победили. Томас Манн, узнав новость, улыбнулся и сказал: «Тем лучше – они не продержатся и восьми месяцев». Точно так же считали французские и английские «эксперты», которые рассматривали национал– социализм как приговоренное к исчезновению явление.

Взяв Гитлера под свое покровительство, Гинденбург думал, что получает какие-то гарантии. Он навязал ему фон Папена на роли вице-канцлера и рейхскомиссара Пруссии, а также фон Бломберга – военным министром. Однако эти «барьеры» очень скоро будут сметены.

1 февраля Гитлер добился от маршала-президента декрета о роспуске рейхстага, четырьмя днями раньше сместив со своего поста фон Шлейхера. Выборы были назначены на 5 марта. С этого момента нацисты твердо решили удерживать власть всеми способами. Германия вступила в самый кровавый период своей истории, и гестапо заняло там ведущее место.

Часть первая

Рождение гестапо

1933–1934 годы

Глава 1

Нацисты становятся хозяевами Германии

30 января 1933 года в кабинете маршала Гинденбурга была predetermined судьба мира на пятнадцать лет вперед. Гитлер только что вступил в должность рейхсканцлера Германии. Фон Папен стал вице-канцлером и рейхскомиссаром Пруссии; бывший штабной офицер, он был доверенным человеком маршала и заместителем графа фон Клакреута, возглавлявшего Немецкую аграрную лигу, которая объединяла крупных землевладельцев Восточной Германии. Назначенный Гинденбургом «наладить связь с партиями для изучения политической обстановки», фон Папен представил ему Гитлера, которого помещики считали единственным, кто способен силовыми методами остановить события, развивающиеся в сторону социализма. Кроме того, фон Папен был близок и к военным.

Новым министром внутренних дел назначают доктора Фрика, бывшего полицейского чиновника из Мюнхена, опытного нациста. Он продержится на своем посту до августа 1940 года. Фон Бломберг становится военным министром; фон Нейрат – министром иностранных дел; Геринг, по-прежнему президент рейхстага, назначен министром без портфеля, руководящим вопросами авиации и деятельностью министерства внутренних дел Пруссии.

Этот министр без портфеля, верный Герман Геринг, член партии с 1922 года, тяжело раненный во время неудавшегося путча 1923 года, сыграет значительную роль в течение первых недель после захвата власти нацистами. Депутат рейхстага с 1928 года, член прусского ландтага, Геринг поддерживал знакомства с высшими полицейскими кругами. Благодаря одному из новых друзей, полицейскому чину Рудольфу Дильсу, он приобрел обширные познания в технике политического сыска.

Вскоре на Германию обрушился террор, проявлявшийся в двух формах. Первая форма, жестокая и кровавая, выражалась в мятежах и уличных боях. Вторая, подпольная и рассредоточенная, проявлялась в незаконных арестах, за которыми часто следовала быстрая расправа в виде расстрела или повешения, осуществляемая в глухом подвале.

Уже к вечеру 30 января 1933 года вооруженные группы нацистов начали нападать на коммунистов, и эти стычки были почти настоящими боями. 31 января Гитлер сделал сообщение по радио и провозгласил свою преданность традиционным принципам. Миссия правительства, говорил он, состояла в «воссоздании единства духа и воли» немецкого народа; он желал поддержать христианство, защитить семью, «одну из составляющих общества и государства». Таким образом, он выступал защитником привычного круга ценностей буржуазии.

Новый глава правительства, проявив уважение к общепринятым ценностям, 1 февраля добился выхода декрета о роспуске рейхстага, в котором Гинденбург отказал фон Шлейхеру. Выборы были назначены на 5 марта – нацисты все еще действовали в рамках закона. Однако, не будучи уверенными в победе на 100 процентов, они помогали ей приблизиться всеми средствами, прежде всего методически устраняя противника. 2 февраля Геринг, как комиссар по внутренним делам, взял на себя управление прусской полицией для ее совершенствования. Республиканские чиновники, заранее внесенные в списки, а также те, кто сохранял нейтралитет, были устранены. Их заменили проверенными нацистами. Многие сотни комиссаров,

инспекторов, простых полицейских подверглись чистке – две трети кадров заменили эсэсовцами и штурмовиками. Из этого нацистского состава, который втискивали в рамки старого административного аппарата, возьмет свои истоки гестапо.

Прусский ландтаг воспротивился этим незаконным мерам, и уже 4 февраля он был упразднен декретом «по защите граждан». В тот же день другим декретом официально разрешили запрещать собрания, «способные нарушить общественный порядок». Это решение позволило препятствовать собраниям левых партий и предоставило полную свободу действий нацистам.

5 февраля члены «Стального шлема» участвуют в торжественном параде в Берлине. Фактически это была легализация штурмовиков до официального признания их властями. Там же прозвучал призыв к объединению националистских партий знаменитого «Гарцбургского фронта». За этим последовала ночь, ознаменованная кровавыми вылазками нацистов, которые громили залы собраний и кафе, посещаемые коммунистами. Столкновения происходили в Бохуме, Бреслау, Лейпциге, Стасфурте, Данциге, Дюссельдорфе; нигде не обошлось без многочисленных раненых и убитых. Власть в этот момент сосредоточилась в руках трех человек – Гитлера, Папена и Гугенберга (министра экономики и пищевой промышленности, короля средств массовой информации и руководителя Немецкой национальной партии).

6 февраля срочный закон «в защиту народа» лишает свободы действий оппозиционные органы печати и средства информации.

Начиная с 9 февраля вступает в действие полицейская машина Геринга. По всей стране прокатывается волна обысков, уделяя особое внимание местам проживания коммунистов и руководителей партий. Объявлялось об обнаружении оружия, боеприпасов и документов, «подтверждающих» подозрения о готовящемся заговоре, в частности поджоге публичных зданий. Аресты и захваты умножаются; штурмовики пытаются и убивают оппозиционеров, фигурирующих в списках, о которых уже давно шли слухи.

Генерал Людендорф, старый друг Гитлера, отступился от своего соратника после событий 1923 года. Он писал Гинденбургу: «Самым официальным способом я предупреждаю Вас, что этот зловеющий человек приведет нашу страну в пропасть, а наш народ к невообразимой катастрофе. Уже будучи в могиле, Вы будете проклинаемы Вашими потомками за то, что допустили это». Гинденбург же ограничился тем, что передал эти слова Гитлеру.

20 февраля Геринг издал распоряжение, призывающее полицию использовать оружие против демонстрантов партий, враждебных правительству. В Кайзерслаутерне бывший канцлер Брюнинг организовал собрание католической ассоциации «Пфальц Вахт». Ближе к исходу митинга нацисты, вооруженные дубинками и револьверами, атаковали собравшихся, убив одного человека, тяжело ранив троих и сильно избив остальных. Католическая газета «Германия» возвала к президенту Гинденбургу, однако «старый господин» не счел нужным ответить.

23 февраля министр экономики Вюртемберга, член демократической партии Майер объявил свой протест против попыток лишить провинции их прав. Он призвал жителей Южной Германии объединиться «для защиты республиканского законодательства, защиты своих прав и свобод», опираясь на то, что нацисты не имели большинства ни в одном южном парламенте.

На следующий день Фрик выступил с многозначительным ответом на это заявление. «Рейх, – говорил он, – восторжествует над южными областями, и Гитлер сохранит свое положение у власти, даже если не получит большинства голосов на выборах 5 марта». Если это произойдет, придется объявить чрезвычайное положение, чтобы приостановить действие части конституции, поскольку «преимущество оппозиционных сил может иметь только негативное значение». Несмотря на желание не выпускать из своих рук власть, которая так тяжело досталась им, нацисты беспокоились. Оппозиция представляла реальную угрозу. Ситуация становилась все более напряженной, и ее усугубляли происходящие события: 25 февраля коммунистические боевые группы, в том числе группы из антифашистской лиги, под единым руководством

собрались вместе, чтобы отбить дом имени Карла Либкнехта, захваченный накануне. 26 февраля новое руководство этих групп выступает с призывом к «созданию массового оплота для защиты коммунистической партии и прав рабочего народа», а также «организации массового штурма и масштабной войны против фашистской диктатуры».

Единственным средством, позволяющим нанести удар коммунистической партии, из-за которого она не смогла бы возглавить антифашистский крестовый поход, был внутренний раскол. Нужно было убедить людей в том, что коммунисты хотят организовать заговор или путч; это позволило бы уничтожить партийных руководителей и дискредитировать саму партию перед самыми выборами.

Для нацистов организация махинации широкого размаха не представила большого труда. Берлинская полиция благодаря чисткам Геринга полностью была в их руках. Тридцать тысяч вооруженных вспомогательных отрядов полиции со свастикой на нарукавных повязках были хозяевами улиц Берлина. Партия платила им по три марки в день. Декрет Геринга, датированный 22 февраля, привлек в эти отряды штурмовиков и членов «Стального шлема». Все было готово к предстоящему спектаклю. Третий звонок, возвещающий о начале действий, не замедлил себя ждать. 27 февраля занавес на сцене драматических событий открылся.

27 февраля в 9.15 вечера студент семинарии, возвращавшийся к себе по тротуару площади Кёнигсплац, где возвышалось здание рейхстага, услышал звон разбитого окна. На мостовую посыпались осколки. Студент бросился искать сторожей, охранявших парламент. Тут же был организован обход здания, во время которого заметили силуэт человека, поджигавшего рейхстаг.

В считанные минуты на место прибыли пожарные и полиция. Первая полицейская машина, подъехавшая минуту спустя после пожарных, была под командованием лейтенанта Латеита. Сопровождаемый инспектором Скраниевицем и несколькими полицейскими, он быстро осмотрел здание в поисках поджигателя. Все были поражены количеством и распространением очагов возгорания. В зале заседаний их ждала умопомрачительная картина: гигантское пламя поднималось прямо к потолку. Оно было шириной около метра и метров десять в высоту без признаков дыма. Иного очага возгорания в зале не было. Очевидно, это было какое-то легковоспламеняющееся вещество. Полицейские были так поражены увиденным, что достали револьверы и продолжали осмотр здания, не выпуская оружия из рук. Ресторан рейхстага уже превратился в огромный костер. Повсюду полыхали шторы и ковры.

В большом зале Бисмарка, расположенном в южной части здания, они внезапно наткнулись на человека, обнаженного по пояс, залитого потом и с безумным взглядом. Когда ему приказали стоять на месте, он поднял руки вверх и беспрекословно позволил себя обыскать. У него нашли несколько мятых бумаг, нож и голландский паспорт. Скраниевиц накинул на него одеяло и отвез в префектуру полиции на Александерплац.

Человек спокойно назвал себя: Маринус ван дер Люббе, голландец, дата рождения 13 января 1909 года, безработный.

Сразу после объявления о пожаре по радио сообщили о том, что «коммунисты подожгли рейхстаг». Несмотря на начавшееся расследование, было понятно, что вину за поджог возложат на коммунистов. В эту ночь начались репрессии. Тотчас были провозглашены «чрезвычайные законы от 28 февраля», принятые «для защиты народа и государства» и подписанные старым маршалом.

Коммунистическая партия пострадала сразу, но социал-демократические газеты тоже запретили. Декреты «общественного спасения» отменили большинство конституционных свобод: свободу печати, право собраний, право на тайну переписки, неприкосновенность жилища и личности. Они поставили немцев в полную зависимость от нацистской полиции, которая теперь могла действовать по своему усмотрению без ограничений, не держа ни перед кем ответа за свои действия. Она производила тайные аресты, без всяких оснований сажала людей

в тюрьмы на продолжительные сроки, не предоставляя обвинений или доказательств вины. Никакие правоохранительные органы не могли противостоять им, тем более потребовать освобождения либо пересмотра дел.

Гестапо сохранил свободу действий до свержения фашистского режима.

В ту же ночь в Берлине начались повальные аресты. «В превентивном порядке» были захвачены четыре с половиной тысячи членов коммунистической партии и оппозиционеров демократических партий. Объединенные общим делом, полиция, эсэсовцы и штурмовики производили обыски, допросы, до отказа заполняли кузова грузовиков подозреваемыми. Проведя первые дни в полицейских застенках или государственных тюрьмах, они в скором времени заполнят первые концентрационные лагеря, о создании которых позаботился Геринг.

В три часа ночи аэродромы, порты и международные вокзалы перешли под строгий контроль, и без специального разрешения покинуть Германию стало невозможно. Удар был нанесен; но все же многие оппозиционеры смогли бежать. В Пруссии насчитывалось 5 тысяч арестованных, а в Рейнской области – около 2 тысяч.

1 марта новый декрет объявлял наказуемым «подстрекательство к вооруженному сопротивлению государству» и «подстрекательство к всеобщей забастовке». Именно всеобщей забастовки боялись нацисты, потому что только она могла стать эффективным средством борьбы разобренных левых сил. Коммунистическая партия лишилась руководства, социал-демократы были на грани капитуляции, но оставались еще профсоюзы.

В профсоюзы входила огромная масса людей, и они были способны выступить против нацистского движения, парализовав страну всеобщей забастовкой.

В Германии на тот момент существовали три группы профсоюзов: самая мощная – Немецкая всеобщая конфедерация труда, Всеобщая конфедерация независимых трудящихся, включающая в себя 4,5 миллиона человек, и Христианский профсоюз, насчитывающий 1 миллион 250 тысяч членов. Немецкие профсоюзы считались тогда самыми сильными в мире: 85 из 100 трудящихся входили в какой-либо профсоюз. Они не забыли, какую цену они заплатили войне, и были против милитаризма, способного привести к новому военному конфликту и рассчитывать за который снова пришлось бы им.

Эта огромная масса народа, несмотря на свою враждебность новым властям, не сумела воспользоваться возможностью мобилизоваться, что могло бы спасти их и их страну. Как и социал-демократы, они предпочли переждать, работая не покладая рук. Эта пассивность вскоре обернулась против них самих.

Наконец, посреди всех этих беспорядков, настал день выборов. С 30 января немецкий народ существовал в атмосфере бесконечных терактов и всепроникающей пропаганды нацизма, сопровождающей каждый поступок и каждое действие поборников Гитлера.

Во время предвыборной кампании было организовано бесчисленное множество митингов. Гитлер невероятным способом успевал повсюду, передвигаясь из города в город, несколькими сильными фразами поднимая дух у своих последователей, пользуясь своим искусством внушения. Громадный пропагандистский механизм, пущенный в ход Геббельсом, использовал внешние эффекты: демонстрации, скандирование лозунгов, героические шествия со знаменами и плакатами; все это поражало воображение простых людей, сбегавшихся взглянуть на нового мессию. В Германии в то время насчитывалось более 7 миллионов безработных, и каждый третий немецкий рабочий существовал на нищенские социальные пособия.

5 марта вся Германия пришла на выборы. Только 11 процентов воздержались от голосования – гораздо меньший процент по сравнению с предыдущими выборами.

В результате своей активности нацисты набрали 17 164 голоса. Давление, осуществленное на немецкий народ, а также масштабная махинация с поджогом рейхстага не прошли даром.

Вопреки ожидаемому поражению коммунистов, их результаты были гораздо лучше, чем можно было предположить. Несмотря на репрессии со стороны нацистов, аресты, изгнание их партийных руководителей и запрещение их газет, коммунисты собрали 4 миллиона 750 тысяч голосов и сохранили 81 место в рейхстаге. Таким образом, новый рейхстаг состоял теперь из 288 депутатов от национал-социалистов, 188 социалистов, 70 депутатов от центра, 52 немецких социалистов, 28 баварских популистов и представителей прочих групп и 81 коммуниста. Социалисты набрали 7 миллионов голосов. Нацисты, имея 43,9 процента голосов от общей массы, не получили в рейхстаге большинства. Больше всего они боялись, что остальные партии, объединившись против них, предложат им «воздержаться» от заседаний в рейхстаге, как они сами, еще до выборов, поступили в отношении коммунистов (понимая, что, поступив иначе, они обрекут себя на смерть, коммунисты не стали тогда участвовать в заседаниях).

21 марта, в день, когда Бисмарк в 1871 году созвал первый рейхстаг, новый парламент торжественно объявил о первом вступительном заседании.

Первое настоящее заседание состоялось 22 марта в берлинском Тиргартене, в зале «Опера-Кролл». За трибуной были вывешены гигантские полотна со свастикой, коридоры были заполнены штурмовиками и эсэсовцами, нацистские депутаты были одеты в униформу партии – не таясь, новый порядок вступал в свои права.

Устранение коммунистов позволило нацистам располагать 52 процентами голосов. Ни один депутат не высказал протеста против этого беззакония, предоставившего всю власть нацистам. Выбор президиума собрания, производившийся с мест, занял несколько минут. Большинство голосов, не считая социалистов, Геринг был избран председателем рейхстага.

23 марта Гитлер зачитал программную речь, где в замечательно безобидном по форме обращении потребовал предоставления ему чрезвычайных полномочий сроком на четыре года. При этом Гитлер отметил, «что большинство, которым располагает правительство, могло бы избавить его от испрашивания этих мер». Такие полномочия позволяли правительству диктовать законы вне рамок конституции, декреты не нуждались в подписи президента и одобрении рейхстага. Парламентской ратификации не подвергались бы также и международные договоры. Таким образом, парламентская демократия превращалась в официальную диктатуру.

Шум, создаваемый штурмовиками, окружившими здание, доносился до зала заседаний, создавая тревожащий фон для собрания. Началось голосование. Только социалисты осмелились голосовать против. Предложенный проект был принят 441 голосом против 94. Осталось лишь распустить ассамблею. Старый маршал теперь тоже не имел почти никакой власти, и его подпись ничего более не значила. Повсюду воцарился нацизм.

Обладая всей полнотой власти, нацисты тем не менее осознавали: чтобы удержать ее, следует нанести сокрушительный удар по оппозиции, которая показала свою жизнеспособность на последних выборах. Будущее гестапо вскоре найдет себе применение.

Также следовало, не откладывая, провести в жизнь установку на единообразие и сделать из Германии страну, где безраздельно господствует нацизм. Необходимо добиться полного послушания, как того требует тоталитарный режим. Народ и государство нужно подчинить всемогущей партии. Для этого требовалось первым делом разрушить все политические структуры, устранить их руководителей, убивая, арестовывая или заставляя бежать из страны.

Коммунисты не представляли больше угрозы. 1 апреля Гитлер объявил бойкотирование продукции, производимой евреями, а также их магазинов. Уже давно одним из боевых кличей нацистов был «Да сдохнет жид!». Первоапрельским днем эсэсовцы и штурмовики заполнили берлинские улицы, возбуждая толпу против евреев, громя еврейские магазинчики и калеча находившихся там владельцев и продавцов. Они врывались в крупные рестораны и кафе в поисках еврейских клиентов. Эти погромы, как пережиток Средневековья, подняли во всем мире волну осуждения.

Подобные вспышки насилия не были спонтанными, как их считают. Гитлер отмечал, что «нужно всегда брать в расчет слабости и звериные инстинкты людей». Использование самых примитивных инстинктов человека, извлеченных наружу нацистами, воплотилось в антисемитизме, который являлся одной из составляющих нацизма. Первоапрельская операция также явилась ширмой для других событий: в то время как все внимание было обращено на уличные бои, появился первый декрет, начавший централизацию администрации рейха; 7 марта он был дополнен вторым. Этими декретами были распущены парламенты всех земель, за исключением Пруссии. Их место заняли назначенные Гитлером рейхсштатгальтеры, взяв на себя все полномочия по управлению. Эти меры уничтожили противоречия, появившиеся в некоторых земельных парламентах, в частности в Баварии. «Наместники от центральной власти» имели право смещать со своих должностей чиновников за политический неконформизм или неарийскую внешность.

После принятых мер предосторожности партийный Комитет национального действия 21 апреля подписал распоряжение о роспуске 28 организаций Всеобщей конфедерации труда. Их имущество было конфисковано, руководители организаций вместе с директорами Рабочего банка арестованы. Другие профсоюзные организации не посмели отреагировать на незаконные действия.

1 мая Гитлер провозгласил «национальным праздником труда». Накануне этого события нацисты начали вежливые, но жесткие переговоры с руководителями свободных профсоюзов – с теми, кто остался у руководства католических или социалистических синдикатов. Профсоюзам предложили принять участие в манифестации, организуемой нацистами по поводу первого праздника нового режима. Они собирались праздновать день рабочей солидарности, объединения трудящихся в духе общенационального братства. Намечалось не политическое, а общественное действие, направленное на примирение. Праздничный день предлагалось оплачивать как обычный рабочий; всем, кто придет на демонстрацию, полагалось возмещение транспортных расходов и расходов на питание.

Наивность или трусость? Кто осмелится дать определенный ответ? Тем не менее профсоюзы дали свое согласие.

1 мая немецкие рабочие (миллион человек) собрались на бывшем военном плацу в Темпельгофе. Гитлер произнес перед ними небольшую, но замечательную речь, призывая народ трудиться и взывая к Богу. На следующий день в десять часов утра отряды штурмовиков и полицейские взводы заняли штаб-квартиры профсоюзов, их газеты, их кооперативы, народные дома, Рабочий банк и его филиалы.

Гестапо было основано специальным декретом Геринга в Пруссии, но впервые опробовало свои силы под новым названием в Берлине. Руководители профсоюзов, внесенные в особые списки, были арестованы на дому или там, где они скрывались. Лейпарт, руководитель реформистских профсоюзов, Гроссман, Висель – в общей сложности 58 профсоюзных лидеров – были задержаны «для обеспечения их безопасности». Профсоюзные архивы, банковские счета были изъяты, в том числе фонды благотворительности и пенсий.

Тем же днем Комитет по защите немецких трудящихся, возглавляемый доктором Леем, взял в свои руки управление всеми профсоюзами, которые попали в подчинение заводским партийным комитетам нацистов.

Так, организации численностью около 6 миллионов членов, с годовым доходом около 184 миллионов марок, были разгромлены, не оказав ни малейшего сопротивления.

4 мая доктор Лей объявил о создании Трудового фронта, специальным декретом вводя принудительный труд. Этот фронт будет использоваться как гигантский пропагандистский аппарат для внедрения нацистской идеологии в сознание миллионных масс людей, принужденных в него вступить. Результатом стало уравнивание условий жизни среди рабочих. Хотя мас-

штабные нацистские программы снизили уровень безработицы, зарплаты рабочих были снижены до минимума в пользу промышленников, перешедших на сторону нацистов.

Покончив с профсоюзами, уже легче было справиться с оставшимися политическими партиями.

Гугенберг, пришедший к власти вместе с Гитлером и фон Папеном 30 января, обеспечивал для Гитлера очень ценную поддержку немецких националистов. Он выразил опасения по поводу мер, предпринятых в отношении партий центра. Тотчас, в соответствии с новыми декретами, государственные служащие – члены его партии были бесцеремонно смещены со своих постов. Однако у Гугенберга было еще два портфеля: экономики и сельского хозяйства. Чтобы от него избавиться, были организованы масштабные протесты, направленные против его сельскохозяйственных реформ. И 28 июня он был вынужден подать в отставку.

В тот же день популистская партия – бывшая партия Штрэземана – в мерах предосторожности произвела самороспуск; за ней 4 июля последовала католическая партия центра. Единственной партией, храбро противостоявшей невзгодам, была баварская популистская партия. Наконец взялись и за нее: последовали аресты руководства партии, в том числе принца Вреде, кавалерийского офицера, в 1923 году участвовавшего в провалившемся путче вместе с Гитлером и вместе с ним посаженного в Ландсбергскую тюрьму. Ему пришлось уступить и распустить партию.

Новый декрет от 7 июля исключал всех депутатов-социалистов из рейхстага и всех правительственных органов земель. Многие из руководства социалистических партий уже перебрались за границу. Оставшиеся были в тюрьме либо в концентрационных лагерях. Нацисты объявили, что те, кто еще не отдал должное их идеям, отправятся туда на «перевоспитание». Еще 25 марта под Штутгартом был открыт первый концентрационный лагерь. Он был рассчитан на полторы тысячи мест, но вскоре насчитывал в три или четыре раза больше заключенных. Этот вид учреждений в краткие сроки стал одним из основных институтов страны.

В тот же день, 7 июля, появляется пакет из 19 законов. Один из них ставил точку под всеми политическими дискуссиями и переговорами: «Национал-социалистическая немецкая рабочая партия является в Германии отныне единственной политической партией. Лица, оказывающие поддержку другим политическим партиям либо пытающиеся основать новую политическую партию, наказываются каторжными работами на срок до 3 лет или тюремным заключением от 6 месяцев до 3 лет, в случае если не предусмотрено иного наказания в текстах других законоположений».

Без сомнения, многие честные немцы были поражены создавшимся положением дел. Их ошибка заключалась в том, что они не приняли всерьез предупреждение Гитлера: «Там, где мы есть, нет места никому другому!» У всех тех, кто начинал вместе с Гитлером, было достаточно времени, чтобы обдумать эти слова.

Отныне нацисты стали абсолютными хозяевами Германии. Их «новые учреждения» начали работать без помех.

Глава 2

Геринг обращается к полиции

Весной 1934 года 65 тысяч немцев покинули свою страну. Год нацистской диктатуры способствовал этой миграции, побуждая сотни людей, в большинстве своем артистов, писателей, преподавателей, рисковать своей жизнью во время нелегального пересечения границы. Они бежали от страха, зависимости и скрытого ужаса под названием гестапо.

Гестапо. Эти три слога заставляли бледнеть самых отважных, ибо несли в себе несчастье и кошмар. Кто смог сотворить ужасающее образование? Какое чудовище выдумало этот карающий молот нацистской машины, принеший смерть 25 миллионам человек и ввергший Европу в руины и прах?

Этот человек не выглядел ужасно. Его круглое лицо было скорее симпатичным, он выглядел приятнее своих соратников, а его манеры отличались непринужденностью. Этого человека звали Герман Геринг.

При изучении биографии Геринга на ум приходят две фразы Мальро: первая из его романа «Орешники Альтенбурга»: «Суть человека не в том, что он скрывает, а в том, что он делает», и вторая из «Условий человеческого существования»: «Человек есть сумма его поступков: тех, которые он сделал, и тех, которые мог сделать». Геббельс, Гесс, Борман, Гиммлер, не говоря о Гитлере, сразу вызвали чувство беспокойства. Геринг, наоборот, вселял спокойствие и уверенность. Только Отто Штрассер вносил нестройную нотку, оценивая Геринга: «Геринг – прирожденный убийца, он наслаждается ужасом...» Это «наслаждение ужасом» действительно очень увлекало ожиревшего маршала на вершине его карьеры. Зная толк в мучениях, он предавался им с артистически-декадентской утонченностью.

Такие особенные свойства развились у Геринга при весьма любопытных обстоятельствах. Напомним, что рейхстаг, избранный после голосования от 14 сентября 1930 года, через месяц провел свое первое заседание. Национал–социалистическая партия по количеству мест оказалась на втором месте после социалистов, получивших 143 места. 107 новых нацистских депутатов рейхстага вошли четким маршем в зал заседаний, одетые в коричневые рубашки. Замыкающим этой необычной колонны был один из старейших членов партии Герман Геринг. Он появился в рейхстаге двумя годами ранее – 20 мая 1928 года, когда его партия еле-еле добилась 12 мест в парламенте. В то время мало кто из немцев помнил, что этот новый депутат был одним из героев последней войны, которую еще не объявили легендарной. Его присутствие в рядах молодой и шумной национал-социалистической партии, пользующейся дурной славой, было, пожалуй, странным. По своему происхождению и прошлому ему скорее следовало быть членом одной из консервативных партий (в большинстве своем монархистских) или той партии центра, которая объединяла представителей крупной буржуазии.

Сын доктора Генриха Геринга, высокопоставленного чиновника старой школы, Герман Геринг родился 12 января 1893 года в Баварии, в городе Розенхайме. По бабушке со стороны матери Каролине де Нерэ у него были французские предки – гугеноты, осевшие в Нидерландах. Его отец, близкий друг Бисмарка, в 1885 году стал первым генерал-губернатором немецкой Юго-Западной Африки. Закончив два университета – Боннский и Гейдельбергский, служивший офицером в прусской армии, отец Геринга был глубоко проникнут прусскими порядками и прусским образом жизни.

Став вдовцом с пятью детьми от первого брака, доктор Геринг во второй раз женился на молодой тирольке, увезя ее с собой на Гаити, – он был назначен туда на свой второй колониальный пост. Потом он отправил ее обратно в Баварию, чтобы она произвела на свет маленького Германа.

Его детство представляло собой длинную череду драк и потасовок. Германа регулярно выгоняли из школьных учреждений за слишком агрессивный нрав и независимый характер. Видя такое положение дел, отец решил отправить его в Карлсруэ, в кадетскую школу, из которой он перевелся в военную школу в Берлине.

Юный Геринг окончил эту школу с отличием и уже в марте 1912 года начал свою военную карьеру младшим лейтенантом в пехотном полку принца Вильгельма, который располагался в Мюлузе. Ему только что исполнилось девятнадцать лет. Гарнизонная служба претила энергичному молодому человеку, и он с радостью воспринял мобилизацию на войну. В октябре 1914 года он добился перевода в авиацию. Именно там служба принесет ему славу. Сначала он летал в качестве наблюдателя; пилотом бомбардировочной авиации его назначили в июне 1915 года, а уже осенью 1915-го он становится летчиком-истребителем.

За штурвалом маленького самолета лейтенант Геринг полностью раскрыл свои боевые качества, направив воинственные инстинкты в нужное русло. Он подбил один из тяжелых британских бомбардировщиков «хэндли-пейдж», а затем сам был сбит английскими истребителями. Он был ранен в левые бедро и руку, но по выздоровлении снова занял место в строю, став одним из лучших немецких летчиков-истребителей. В мае 1917 года он получил должность командира 27-й эскадрильи. В начале 1918 года у него на счету уже 21 сбитый самолет, и в мае этого года кайзер наградил его орденом «За заслуги», тогда высшим германским отличием. Затем Геринга переводят в знаменитую эскадрилью номер 1, известную как эскадрилья Рихтгофена – по фамилии ее первого командира.

21 апреля 1918 года капитан барон Фрейкер фон Рихтгофен, имевший на своем счету более 80 побед в воздушных боях, погиб. Его место занял лейтенант Рейнхард, который погиб 3 июля. Тогда командование этой знаменитой эскадрильей принял Герман Геринг. Он вступил в должность 14 июля, когда германские войска начали свой отход на Марне.

Несмотря на проявленное в боях мужество, эскадрилье номер 1 пришлось смириться с поражением Германии. Для Геринга это был тяжелый период. В ноябре ему пришлось возвращать свои самолеты и личный состав в Германию. С болью в сердце Геринг сделал запись о перемирии в журнале боевых действий эскадрильи. С начала своего формирования эскадрилья номер 1 принесла Германии 644 победы в воздушных боях; 62 человека числилось в списке погибших.

Геринг демобилизовался в чине капитана. На его мундире красовались Железный крест 1-го класса, орден Льва Захрингена со шпагой, орден Карла Фридриха, орден Гогенцоллернов 3-й степени со шпагой и орден «За заслуги». Он никогда не забудет этот период своей жизни, как не забудет и друзей по эскадрилье Рихтгофена. В 1943 году в Гамбурге гестапо арестовало одного из сослуживцев Геринга по эскадрилье, еврея по фамилии Лютер. Едва узнав об этом, Геринг немедленно вмешался, добился его освобождения и принял под свое покровительство.

После своей демобилизации в конце 1919 года капитан Геринг был вынужден искать себе работу. Он мог бы продолжить службу в рейхсвере, но, будучи противником республики, Геринг не желал служить в ее армии. Чтобы заработать себе на жизнь, он принимал участие в показательных полетах сначала в Дании, а затем в Швеции. По воскресеньям он катал любителей острых ощущений на своем маленьком «фокке». Зарабатывая так себе на хлеб, он неожиданно встретил одну женщину, которую впоследствии увел от ее мужа и сына, чтобы в Германии, в Мюнхене, на ней жениться.

Вернувшись в Баварию, безработный герой едва сводил концы с концами. Поступив в Мюнхенский университет, Геринг рассчитывал не столько изучать политические науки и историю, сколько придать некоторую респектабельность своей вынужденной праздности.

Жил он в милом домике в пригороде Мюнхена на деньги, которые его жена, урожденная Карин фон Фок, получала от своей семьи.

Осенью 1922 года союзники потребовали от немецкого правительства выдачи некоторых военных преступников. Геринг был взбешен, узнав, что его имя фигурирует в одном из списков, предоставленных Францией.

В одно ноябрьское воскресенье в Мюнхене на площади Кёнигсплац был организован митинг протеста против требований союзников. Геринг присутствовал там. Слушая ораторов, выступающих против этих требований, он заметил в толпе рядом с собой худощавого человека с острым профилем и маленькими черными усиками. Его лицо показалось Герману знакомым. Это был Адольф Гитлер, о котором в Баварии начинали говорить; его портреты Герингу уже приводилось видеть. Вокруг него собралось небольшое кольцо людей, которые просили его выступить. Гитлер отказывался, говоря, что не хочет «нарушать добропорядочное проявление национального единства». Это было сказано в манере тщательно скрытого презрения, чем Геринг был поражен. Он тоже считал, что эти высосанные из пальца протесты не будут иметь никакого эффекта, лишь более жесткое и решительное действие может дать положительный результат. На следующей неделе Геринг пришел на собрание Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Гитлер делал доклад, основным мотивом которого была борьба против «версальского диктата». Версальский мирный договор сделал из блестящего офицера Геринга полунищего человека, живущего за счет жены, поэтому поднятая тема живо задела его. Когда собрание было окончено, он представился Гитлеру и предложил свои услуги.

Для партии, еще не набравшей силу, но уже расправлявшей крылья, Геринг был счастливым билетом. Его славу героя войны можно было использовать, а жестокость, проскальзывавшая в его речах, полностью согласовывалась с партийными установками. Уже на следующей неделе Геринг становится членом Национал-социалистической немецкой рабочей партии и решает посвятить себя душой и телом служению человеку, которого знал менее двух недель. Ударные команды партии – ее штурмовые отряды нуждались в руководителе. Им нужна была хорошая организация, дисциплина, координация действий; из штурмовиков предстояло сделать «абсолютно надежное формирование, которое будет осуществлять приказания Гитлера и мои собственные», как позже скажет Геринг. В начале января 1923 года Герман Геринг, безработный герой, принимает командование нацистскими ударными силами.

Из этих отрядов, уже имевших большое значение, но пока слабо организованных, Геринг в течение нескольких месяцев сделал боеспособную армию. Ему помогли знакомые военные, особенно капитан Рем, в то время командир 7-й дивизии и руководитель подпольных милицейских групп. Кроме того, Рем также был «духовным наставником» ряда националистических партий, придумывая разные лозунги и подавая соответствующие «идеи». Гитлер вместе со своей партией очень его интересовали, но между ними было одно крупное расхождение: для Гитлера на первом месте стояли политика и политическая организация партии, а Рем отдавал первенство солдату. Именно солдата, по мнению Рема, следовало перевоспитать и политизировать.

Рем нелегально снабжал штурмовиков оружием из секретных складов рейхсвера, лелея надежду возглавить эти формирования. Вскоре между Ремом и Герингом, чей приход Рем воспринял негативно, возникло глухое соперничество. Геринг в свою очередь не замедлил увидеть в капитане Реме опасного соперника.

Все же благодаря их вынужденному сотрудничеству нацистская партия к началу ноября 1923 года обладала настоящей армией, одетой в серо-зеленую форму, с военной выправкой, имевшей в своих рядах бывших боевых офицеров, набранных по объявлениям, опубликованным Герингом при поддержке Рема в газете «Фёлькишер беобахтер». Коричневые рубашки и гитлеровское приветствие появятся значительно позже.

Возлагая большие надежды на это воинство, 9 ноября 1923 года Гитлер и его друзья предпринимают непродуманную попытку путча.

Только 23 октября были предприняты первые шаги к подготовке этого путча, который должен был установить диктатуру Гитлера и Людендорфа. Плохо подготовленный путч был подавлен в течение нескольких часов. Мюнхенский полк штурмовиков занял позицию на правом берегу реки Изар, а полицейские отряды расположились на левом. Чтобы не терять попусту время, Геринг взял несколько заложников. Дело кончилось перестрелкой на улице Фельдгернгалле, где Геринг получил две пули в нижнюю часть живота. На первое время после перестрелки его укрыла в своем доме еврейская семья Баллин, пока преданные друзья тайно не переправили его через австрийскую границу, а потом в Инсбрук, где он смог начать лечиться.

Это ранение вкупе с периодом бездействия, который за этим последовал, оказали существенное воздействие на Геринга. Ордер на арест помешал ему вернуться в Германию, поэтому он был вынужден жить на протяжении четырех лет в Австрии, в Италии и потом в Швеции. Из-за позднего начала лечения его ранения плохо заживали. В течение двух лет он принимал морфий и стал им злоупотреблять. Интоксикация морфием повлекла за собой психическое расстройство; Геринг стал опасен для окружающих. Его пришлось положить в психиатрическую лечебницу в Лангбро, а потом в аналогичную в Конрадсберге. Снова переведенный в Лангбро, Геринг выписался оттуда, не долечившись, под регулярное наблюдение врачей. Судебный медик Карл А. Лундберг, который наблюдал Геринга в Лангбро, отметил его истерический темперамент, раздвоение личности, характеризовавшееся чередой припадков слезливой сентиментальности и приступов ярости, во время которых он был способен на крайности.

В этом не было ничего удивительного для членов его семьи: уже давно они дали ему самую суровую оценку. По словам его двоюродного брата Герберта Геринга, семья считала, что основными чертами характера Германа были тщеславие, страх ответственности и полное отсутствие нравственных устоев, позволявших ему «при необходимости шагать по трупам».

Продолжительное бездействие, пребывание в клиниках и госпиталях сильно изменили Геринга. Склонность к полноте превратилась в ожирение. Уже к тридцати двум годам он был тучен, налит нездоровым жиром, от которого ему позже не удалось избавиться. В изоляции от своих друзей национал-социалистов ему удалось избежать их грубого влияния. Отныне ему претили прямые силовые действия. Неудачный мюнхенский опыт, о котором он размышлял, привел его к выводу, что решения проблем могут быть иными.

Вчерашний хищник изменил свое обличье, зверь надел другую личину. Теперь Геринг решил использовать гораздо более опасное оружие. Эти перемены отдалят его от Рема, который останется грубым солдафоном. В 1927 году, вернувшись в Германию, Геринг, как и Гитлер, теперь убежден, что власть можно получить лишь при использовании «политических» средств. Под «политическими» он подразумевал, разумеется, самые грязные методы.

Возвратившись в Мюнхен после осенней амнистии 1927 года, Геринг нашел там всех своих друзей: Гитлера, давно освобожденного из тюрьмы, Геббельса, Штрейхера и Розенберга. В их рядах появился новый человек – Гиммлер, которому Гитлер хотел доверить реорганизацию своей личной охраны – службы СС. Что касается Рема, он в это время был в Боливии, занимаясь обучением новой армии. Геринг мог бы снова взять командование штурмовыми отрядами, однако почувствовал, что для него есть дело поважнее: его выдвинут кандидатом в депутаты на выборах 1928 года. И он был избран, хотя нацисты получили на них всего 12 мест. Торжественность заседаний в рейхстаге ему пришлась по вкусу, а депутатский месячный оклад в 600 марок существенно поправил его материальное положение. Его происхождение, как и его бывшее воинское звание, позволило ему войти в высшее берлинское общество и, главное, в круги крупных промышленников. Там он стал «представителем» Гитлера, впоследствии как «верный соратник фюрера». Посещение салонов берлинского общества закончилось тем, что Геринг полностью отдалился от наемников Рема и штурмовых отрядов. С этого времени он начинает рьяно увлекаться предметами искусства и проявлять претензии на меценатство.

В это время внутри нацистской партии назревало глухое противостояние штурмовиков и политической организации, руководимой Грегором Штрассером, с которым Геринг был в ужасных отношениях. Ловко обходя все подводные камни, Геринг следовал за Гитлером, своим господином, который искусно извлекал выгоду из соперничества своих приближенных, которых он настраивал друг против друга, чтобы лучше управлять ими.

По прошествии сентябрьских выборов 1930 года Геринг вошел в рейхстаг во главе 107 нацистских депутатов. Среди них находился и Грегор Штрассер. Геринг был единственным, который предвидел этот триумф: менее чем за два с половиной года количество мест нацистских депутатов в рейхстаге увеличилось с 12 до 107. В октябре 1931 года он похоронил свою жену Карин, долгие годы таявшую от туберкулеза. С тех пор он бросился в политику, посвятив всю свою жизнь Гитлеру, который стал для него почти богом. В начале 1932 года началась предвыборная президентская кампания, так как срок полномочий престарелого Гинденбурга истекал в апреле. Для Гитлера существовало серьезное препятствие: он не имел немецкого гражданства. Вот тогда блеснул гений Геринга: с помощью своих друзей – нацистов в брауншвейгском правительстве – председателя Кюхенталя и министра внутренних дел Клаггеса – он организует назначение Гитлера на пост экономического советника представительства Брауншвейга в Берлине. Это назначение автоматически предоставило Гитлеру немецкое гражданство. И фокус удался: 24 февраля он получил назначение, 26 февраля принес присягу, отказавшись от должностного оклада, а 4 марта подал в отставку. Вот так, за восемь дней, Гитлер стал немцем!

На апрельских выборах Гитлер не прошел, и старый маршал остался на своем посту еще на семь лет. Однако на следующих выборах, прошедших 31 июля, волна нацизма захлестнула Германию. Немецкая национал-социалистическая рабочая партия завладела 230 местами в рейхстаге, став самой могущественной немецкой партией. Геринг получил награду за свои усилия: избранный председателем рейхстага, он обосновался во дворце президиума, расположенном напротив здания немецкого парламента.

После роспуска рейхстага пришел черед нового голосования, что стало делом привычным: с 1925-го по 1932 год Германии пришлось голосовать более тридцати раз.

Несмотря на потери, понесенные нацистами на ноябрьских выборах (190 мест в рейхстаге вместо 230), Геринг сохранил свой пост председателя парламента. Его обязанности открывали ему прямой доступ к старому маршалу, вынужденному консультироваться с ним в моменты кризисных ситуаций, а они возникали одна за другой. Во время этих консультаций Геринг напомнил маршалу, что во время войны уже был представлен ему как боевой офицер.

Как председатель рейхстага, Геринг два раза сумел изменить ход событий. Первый раз, 12 сентября 1932 года, он поднял вопрос о вотуме недоверия правительству фон Папена, что вынудило его подать в отставку прежде, чем оно смогло использовать готовый декрет о роспуске парламента. Сидя в своем председательском кресле, Геринг нарочито не замечал Папена, размахивавшего бумагами перед его лицом. Второй случай произошел 22 января 1933 года, когда за несколько часов до падения кабинета Шлейхера Геринг уговорил Оскара фон Гинденбурга, сына маршала – президента, убедить своего отца в том, что Гитлер единственный, кто сможет сформировать новое правительство.

Так Геринг оказал Гитлеру ценнейшие услуги. Его личное участие сыграло решающую роль в захвате власти, значительная доля которой с марта 1933 года оказалась в его руках.

Таков был человек, чья роль стала одной из самых значительных в уничтожении свобод немецких граждан и основании гестапо.

Когда старый маршал согласился наконец доверить канцлерство тому, кого недавно называл «цыганским генералом», он поставил четыре категоричных условия. Во-первых, фон Папен становится вице-канцлером. Во-вторых, фон Нейрат должен занять пост министра иностранных дел. В-третьих, фон Папен займет пост председателя совета министров Пруссии,

который ранее всегда занимал сам канцлер рейха, потому что он являлся вторым по важности после его собственного. И наконец, министром рейхсвера становится Бломберг, в тот момент отсутствующий в Берлине (он представлял Германию на Женевской конференции).

Ставя подобные условия, «старый господин» надеялся отдать нацистов под опеку и контроль фон Папена. Нацисты приняли условия, полные решимости преодолеть все препятствия даже ценой нарушения данных обещаний. И снова Герингу пришлось сыграть здесь решающую роль.

Вечером 30 января 1933 года Геринг выступал по радио. Гитлер только что получил полномочия канцлера. Обращаясь к немецкому народу, Геринг вещал, что постыдная история последних лет навсегда ушла в прошлое. «Мы начинаем новую главу истории Германии, – заявил он, – и в этой главе свобода и честь станут единой основой нашего нового государства». Свобода! Честь! Сколь многим немцам вскоре представится возможность почувствовать настоящий смысл этих слов в концлагерях или застенках гестапо!

В составе нового кабинета Герингу приходилось терпеть противодействие фон Папена. Он был государственным министром, председателем рейхстага, министром внутренних дел Пруссии и комиссаром по делам авиации. Если Папен, понятное дело, не собирался вмешиваться в дела авиации, то, будучи рейхскомиссаром Пруссии, он был уполномочен контролировать деятельность Геринга, касающуюся полиции. Пруссия являлась самой важной немецкой провинцией, а Берлин оказался под юрисдикцией Геринга.

Одной из первых предпринятых Герингом мер стал вывод полиции из подчинения рейхскомиссара с переводом ее под свое подчинение. Однако Фрик, министр внутренних дел рейха, был вправе контролировать деятельность министра внутренних дел Пруссии. Не имея возможности отдавать ему приказания, он мог задавать провокационные вопросы. Поэтому Геринг запретил чиновникам своего министерства отвечать на любые запросы от министерства внутренних дел рейха.

В течение продолжительного времени Геринг особо интересовался деятельностью полиции. Как только Геринг, как депутат, смог завести постоянные знакомства в официальных кругах, он стал одержим идеей могущества, которое может дать хорошо организованная политическая полиция людям без совести. Постепенно идея гестапо обретала свои очертания. Между тем у него оказалась возможность познакомиться с берлинским полицейским чином по имени Рудольф Дильс. В прусской полиции, как и в полициях всего мира, существовало политическое подразделение – отдел 1А, руководителем которого и являлся Дильс. Он был одним из многочисленных «вечных студентов» Гамбургского университета, гораздо усерднее посещавшим пивные, чем университетские лекции. В те времена он был беспокойным членом одной из студенческих ассоциаций, претендовавших на историю и прошлое, идущие из Средних веков, имел репутацию весельчака и большого донжуана. Чтобы образумиться, Дильс поступает в полицию, где неожиданно раскрылись его ранее неведомые способности: изощренная наблюдательность и незаурядная проницательность.

В отделе 1А ему представилась прекрасная возможность максимально проявить себя. Он умудрялся выполнить любое поручение, даже сомнительное и незаконное, лишь бы это позволило ему продвинуться по служебной лестнице. Эти качества позволили ему войти в круги берлинского полусвета, где пороки нарочито выставлялись напоказ. Там он приобрел личную переписку Рема, в которой начальник штаба штурмовых отрядов без стеснения распространялся о своих гомосексуальных наклонностях. Эти письма попали в руки одного из членов прусского правительства, которые тот опубликовал, надеясь нанести смертельный удар по штурмовым отрядам.

В то время, когда Немецкая национал-социалистическая рабочая партия еще боролась за власть, против ее членов было возбуждено более 40 тысяч уголовных дел. По данным на конец 1932 года, в общей сложности ее члены были осуждены на четырнадцать тысяч лет тюремного

заклучения и на полтора миллиона марок штрафа. В возбуждении этих судебных преследований не последнюю роль сыграл отдел IA. 13 апреля 1932 года немецкая полиция приступила к акции, направленной против эсэсовцев и штурмовиков, исполняя положения только что вышедшего закона о запрете этих организаций. Обыски проводились повсюду: в школах СА, в казарменных помещениях и штабах. Оба боевых формирования нацистов оставались запрещены до момента, пока правительство фон Папена не отменило запрет.

Дильс, как и его коллеги, оказался в трудном положении, поскольку был очень активен в этой работе. Однако у него было преимущество: он понял, что ситуация меняется и нацисты в скором времени станут хозяевами всей Германии.

В августе Геринг становится председателем рейхстага, и Дильс еще раз удостоверяется, что не ошибся в своем предположении. Он начинает тайно посещать нового председателя, принося ему секретные документы, способные опорочить его противников. Прекрасно зная свое ремесло, он показывает Герингу, каким мощным орудием и обширным источником информации может стать политическая полиция, о которой мечтал Геринг, – всемогущая и всепроникающая. Геринг оценил сведения, порочащие его соперников в политике, которые позволили ему утвердить свою позицию в партии. Он оценил и молчание, при котором использовались эти нелегальные методы. Только скрытая сила могла сокрушить шумную армию головорезов Рема, которых он может использовать не в интересах партии и фюрера, а в своих собственных.

Возможно, Дильс нашел и иные способы для упрочения своего положения перед Герингом. Герман очень старался выглядеть важно и величественно в парламенте и своем дворце президиума, любил изображать из себя высокородного вельможу. Однако вельможа был весьма стеснен в средствах. А у Дильса, вхожего везде, имелись хорошие связи на бирже. Сведения, которые он добывал, позволили Герингу удачно спекулировать на бирже и помогали поддерживать свой статус. Так Дильс стал доверенным лицом Геринга, заплатив за это сомнительными услугами, которые делают людей сообщниками.

Когда нацисты пришли к власти, все было готово, чтобы активизировать деятельность полиции для упрочения полученных полномочий. Дильс уже давно составил списки полицейских-республиканцев, которых следует удалить. Чистка началась 8 февраля, на третий день после прихода нацистов к власти. Из старых кадров в полиции осталась только треть не считавшихся опасными для нового режима. Они вошли в новый состав полиции вместе с рьяными нацистами, штурмовиками и эсэсовцами. Дильс был поставлен во главе новой службы.

Сомнительное прошлое этого человека, невожатанный характер не испугали Геринга. Впрочем, как позже скажет доктор Шахт, «пьянство было одним из составляющих элементов нацистской идеологии».

Дильс знал о соперничестве Геринга и Рема. Сам он поддерживал весьма дружественные отношения с руководителями штурмовиков: прежде всего с Ремом; также с Эрнстом, начальником группы Берлин – Бранденбург; с графом Гелльдорфом, руководителем берлинских штурмовиков, ставшим позднее начальником берлинской полиции; и с Виктором Лютце, будущим начальником штаба СА. Он и тут по старой привычке играл двойную роль, используя свои связи, которые когда-нибудь могли бы ему пригодиться.

Чистка в полиции осуществлялась за несколько часов, и на противников нацистского режима обрушились репрессии. Для этого дела полиция объединилась с СА и СС. Коммунистическая, а вслед за ней и социал-демократическая партии были обезглавлены. Штурмовики организовали «частный» концентрационный лагерь в Ораниенбурге, недалеко от Берлина. Сотни узников были брошены туда без предъявления каких-либо доказательств их виновности. Там оказался Эрнст Хейльман, руководитель социал-демократической партии в Пруссии, сын бывшего президента республики Эберта, и многие другие видные деятели того времени. Геринг знал о существовании этого лагеря, как и об остальных сорока, открытых штурмовиками.

Даже в самом Берлине гестапо основало свою тюрьму. Она не подчинялась министерству юстиции, которым в то время руководил доктор Гюртнер, не являвшийся членом нацистской партии. Тюрьма располагалась в большом здании на Паперштрассе и называлась Колумбия-хаус. Нацисты, шутки ради, называли ее «голубятней». О том, что в ней происходило, вскоре стали рассказывать страшные истории.

22 февраля Геринг подписал декрет о формировании из штурмовиков и членов группы «Стальной шлем» вспомогательной полиции. Таким образом, он получал дополнительные кадры для проведения «масштабных полицейских операций», при этом обходя Рема, поскольку штурмовики оказывались в распоряжении у Геринга, когда они выступали как вспомогательная полиция. То обстоятельство, что легализация штурмовиков вдвое умножала насилие и жестокость, ничуть Геринга не смущало.

Напротив, он призывал своих подчиненных быть как можно беспощаднее. 17 февраля, обращаясь к прусской полиции, он предписал «в случае необходимости, не колеблясь, применять оружие. Каждый полицейский должен понять, что бездействие является гораздо более тяжким проступком, чем ошибка, совершенная при исполнении приказа».

В своих инструкциях от 10 и 17 февраля он разъяснял: «Каждая пуля, вылетающая из пистолета полицейского, – моя пуля. Если вы называете это убийством – знайте, это не вы, а я убийца, я приказал вам сделать это, я настаиваю на этом. Всю ответственность я беру на себя и не боюсь ее».

3 марта, в одном из публичных выступлений, обращаясь к врагам отечества, точнее, нацистской партии, он сказал: «Я не вершу правосудие. Моя единственная цель – разгромить и уничтожить, ничего более... Смертельную битву, в которой моя рука дотянется до вашего горла, я доведу до конца вместе с моими «коричневыми рубашками».

Стоит ли удивляться, что Шепман, префект полиции Дортмунда, отдал своим людям приказ стрелять без предупреждения по распространителям листовок, порочащих режим? Стоит ли удивляться, что ежедневно обнаруживались трупы, отмеченные следами жестоких пыток и избиений? Стоит ли удивляться, если в конце февраля немецкие газеты опубликовали данные, что за шесть недель в концлагеря и тюрьмы были брошены по меньшей мере 28 тысяч человек? Впрочем, число было явно заниженным, поскольку большинство арестов производилось тайно.

Пожар рейхстага и подписанный сразу после этого декрет о введении чрезвычайного положения дали возможность нацистам достичь апогея в своих методах и отправить в заключение всех руководителей оппозиции.

К 5 марта нацисты наконец завладели всей властью. Геринг, став министром-президентом Пруссии, собирался явить миру свое законченное произведение – политическую полицию, которой так гордился. Но за кулисами уже появился другой человек, вознамерившийся отнять ее у него.

Глава 3

Гестапо создано и участвует в поджоге рейхстага

23 марта 1933 года Геринг открыл первое заседание нового рейхстага. На этом заседании была объявлена амнистия для совершивших преступления и проступки «из патриотических побуждений», то есть для нацистов. 23 июня эту амнистию дополнил закон, аннулирующий судебные приговоры, вынесенные национал-социалистам в годы борьбы за власть. Закон предписывал немедленное освобождение заключенных, с них снималась судимость и возвращались взысканные с них штрафы. Партия национал-социалистов возвращала долги и защищала своих людей. Но это была и страховка на будущее: Геринг хотел, чтобы теперь все происходило в рамках строгой законности. Это означало, что убийства будут совершаться только по приказу.

Чтобы полностью контролировать государственную деятельность, следовало устранить с ответственных постов министров, не состоящих в нацистской партии. Два первых закона по реорганизации государства появились 1 и 7 апреля. Они гласили, что парламенты всех земель, кроме Пруссии, распускаются. Вместо них будут назначены прямые представители канцлера – рейхштатгальтеры, которым поручалось следить за исполнением законов рейха и директив фюрера. Централизация государства осуществилась одним росчерком пера. Скоро исчезнет и рейхсрат (совет представителей земель), лишенный своей основы, а в начале 1934 года исчезнет самоуправление земель. Разумеется, штатгальтерами назначали самых проверенных нацистов. В этом распределении львиная доля мест досталась членам политических органов партии, яростно боровшихся против высокопоставленных деятелей СС.

В Пруссии дело обстояло сложнее, поскольку там стоял вопрос об избавлении от фон Папена. Гитлер назначил штатгальтером самого себя, после чего передал полномочия Герингу. Рейхскомиссар фон Папен теперь не играл в Пруссии никакой роли. Геринг завершал труд по созданию своего полицейского образования, поэтому прусское правительство еще не было распущено: его ликвидация привела бы к передаче местной полиции под руководство Фрика, рейхсминистра внутренних дел.

Закончив всю подготовительную работу, 26 апреля 1933 года Геринг обнародовал декрет, создающий тайную государственную полицию: Die Geheime Staats-polizei, которая подчинялась ведомству министра внутренних дел Пруссии, то есть самому Герингу. В этот же день Дильс был назначен заместителем руководителя этой полиции. На немецком языке слово «Geheime» имеет два значения: «тайный» и «частный». Действительно, эта политическая полиция стала тайной и частной полицией одной партии, даже одного человека. Слияние партии и государства, практикуемое всеми тоталитарными режимами, здесь оказалось полным.

В тот же день другим декретом создавался штаб государственной полиции в каждом округе Пруссии, подчиненный центральному управлению в Берлине. Если до сего момента деятельность гестапо ограничивалась только Берлином, то теперь оно протягивало свои щупальца в каждый округ, но пока еще не выходя за пределы Пруссии.

Чистка закончилась не только в полиции, но также в правоохранительных органах и среди государственных служащих. Закон от 7 апреля предоставил возможность увольнять судей и чиновников, настроенных против нацистов; кроме того, евреев и тех, кто когда-либо состоял в левых организациях.

22 июня министерское предписание Геринга обязывало всех чиновников следить за высказываниями государственных служащих и докладывать ему о тех, кто позволял себе критиковать новый режим. 30 июня аналогичным распоряжением вменялись доносы среди рабочих. Так начался период шпионства, анонимных доносов и постоянной слежки друг за другом, которая пронизала Германию во всех сферах ее деятельности.

В центре этой паутины находилась политическая полиция. В соответствии с ее почтовым сокращением (по начальным буквам) постепенно все привыкли называть ее гестапо, и скоро это название стало печально известным. Начиная с июля гестапо решительно взялось за оппозицию и показало свою эффективность. Оно разгромило подпольную организацию компартии, над которой коммунисты трудились многие годы, и арестовало все ее руководство во главе с Джоном Шеером. Шеера должны были судить за восстановление запрещенной партии, но штурмовики выкрали его из тюрьмы и убили.

Нанося удары по оппозиции, службы Дильса также занялись, по приказу Геринга, подрывом позиций штурмовиков. Основной их мишенью оказался Рем.

Геринг, в силу своего положения, руководил и концентрационными лагерями. Однако большинство концлагерей, открытых службами СА, не подчинялось его ведению. Слухи, которые рассказывали об этих местах, были просто ужасными. Но не это шокировало Геринга – он не мог вынести то, что его всевластие имеет брешь. Тревожные слухи дали ему повод открыто напасть на Рема, ставшего в этот момент еще более опасным, чем всегда. После прихода нацистов к власти отряды штурмовиков росли по часам. Одна только берлинская группа штурмовиков насчитывала уже более 600 тысяч человек¹

¹ Эта группа включала в себя Берлин и весьма обширную пригородную зону – Бранденбург.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.